

*Азарова Л. Е.,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой языкознания
Винницкого национального технического университета*

ОБРАЗЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК СРЕДСТВО РАЗОБЛАЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ МЕЩАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье раскрыта психология, человеческая суть, поведение провинциальной интеллигенции в рассказах А.П. Чехова; показана суровая критика писателем существующей действительности и мещанства. Доказано, что произведения А.П. Чехова наполнены таким количеством разнообразных персонажей, характеров, ситуаций, профессий, мест бытования, что по ним можно строить концептосферу русской жизни и русского национально-культурного характера конца XIX в.

Ключевые слова: существующая действительность, индивидуальный стиль, нравственная мораль, творческая манера, аморфная раздвоенность, концептосфера русской жизни.

Постановка проблемы. Интерес к творчеству А.П. Чехова растет с каждым годом. Все отчетливее становится значение этого замечательного художника в развитии не только литературы, но и культуры в целом. Это обусловлено как особенностями его художественного стиля, мастерства, содержанием, тематикой и проблематикой его произведений, так и особенностями его языка. Именно Чехов впервые в мировой литературе смог с огромной убедительностью показать трагизм обыденности, безысходности, повседневности [1, с. 83]. Все то, что впоследствии стало чуть ли не главной темой XX столетия, впервые было обозначено в творчестве великого писателя, который вошел в русскую литературу как автор многочисленных юмористических рассказов. Его короткие новеллы – это не увеселительное чтение, а суровая критика действительности, беспощадное разоблачение мещанства. Чеховское мастерство, его лаконизм, тонкая ирония, умение в простой форме рисовать и раскрывать человеческие характеры оказывали и оказывают огромное влияние на писателей всего мира.

Анализ последних исследований. Индивидуальному стилю, творческой манере писателя, особенностям языка его произведений посвящены исследования Л.Л. Дроботовой, Е.Б. Гришаниной, Н.Б. Наблева, М.В. Литовченко, Л.П. Громова, М.К. Милых, Б. Зейнали, Т.В. Лыковой, Е.Н. Петуховой. Изучение ономастического контекста произведений Чехова представлено в работах М.С. Зайченковой, И.С. Торопцевой, Н.С. Болотнова, С.Г. Ильенко, Н.С. Новикова. Все эти работы содержат ценную научную информацию о структуре контекста, о специфике языковых средств в раскрытии героев произведений великого писателя. Биографизм ономастики А.П. Чехова рассматривал Г.Ф. Ковалёв. Иноязычную сферу в зоне персонажей писателя исследовала Н.В. Изотова. Афористичность языка произведений А.П. Чехова изучал А. В. Лыков. Роль существующих научных исследований чрезвычайно важна в изучении творчества А.П. Чехова, хотя в этом направлении

все еще имеется ряд проблемных вопросов, в частности, остается малоизученным психологический портрет провинциальной интеллигенции в рассказах писателя.

Актуальность статьи обусловлена возросшим интересом к названной проблематике, что и определило предмет нашего исследования – образы врачей, созданные А.П. Чеховым, прототипом которых были реальные люди.

Цель статьи – раскрыть глубину жизненного опыта автора, оригинальность динамики его текста; показать, как образы провинциальной интеллигенции, созданные Чеховым, помогают нам «через индивидуальное видеть коллективное, через прошлое – настоящее».

В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

– показать беспощадное разоблачение мещанства, гневное обличение Чеховым господствующего в мире зла в повести «Палата № 6»;

– раскрыть в литературных портретах провинциальной интеллигенции и их окружения аморфную раздвоенность, иррациональность российского сознания в рассказах Чехова;

– подтвердить, что отсутствие внутренней свободы превращает некогда благородного человека в черствого, безразличного и глубоко несчастного циника или же просто уничтожает его морально и физически.

Изложение основного материала. Начало мирового признания А.П. Чехова относится к концу XIX в. В 90-е г. Чехов уже переведен на английский, немецкий, французский, датский, норвежский, чешский, сербский, болгарский, японский и др. языки. [2, с. 293]. Ему был чужд пафос, внешнее проявление чувства, всякие театральные эффекты. В чеховских повестях отсутствует разделение героев на положительных и отрицательных, автор, как правило, не отдает предпочтения ни одному из них. Писателю важен не суд над персонажами, а выяснение причин непонимания между людьми [3, с. 4]. Беспощадный к себе и к своим персонажам, писатель-врач в своих произведениях изображает нравственный недуг, имя которому – болезнь духа. Безошибочность поставленного диагноза вселяет надежду на исцеление. К нему зовет каждое слово национального гения, обладавшего редчайшим даром говорить о самых сложных проблемах просто, без назидания, ярким, инсказательным языком, который пробивается к самым глубинам человеческой сущности.

Чехов – автор реалистический, и в повестях характер героя раскрывается в его взаимосвязях с другими персонажами, в его укорененности в бытовых жизненных обстоятельствах, мелочах, в его зависимости от времени. Герои чеховских повестей – это крестьяне, купцы, помещики, гимназисты, врачи, чиновники... Причем писателя интересует не столько социальный статус

персонажей, сколько их поведение, психология, их человеческая суть [3, с. 4]. В своих рассказах А.П. Чехов высмеивает дураков, самовлюбленных невежд, подобострастных подхалимов, узнаваемость которых делает их типичными представителями общества, изображаемыми писателем с печальной иронией. Оставаясь сторонним наблюдателем, А.П. Чехов дает возможность читателю самому давать характеристики и судить своих персонажей. Обычный человек со своими каждодневными делами и заботами, являющийся предметом осмысления А.П. Чехова, должен воспитывать, развивать в себе личность, человеческое достоинство, борясь с собственным естеством, прирожденной приниженностью и ленью, развивая природой данное, заключенное в человеческой натуре [4, с. 246]. Рассказы А.П. Чехова насыщены реалиями русской жизни, а речевые характеристики героев подчеркивают типичность создаваемых автором образов, которые оказываются настолько национально- и культурно-маркированными, что часть смыслов остается за пределами восприятия текстов переводов [5, с. 275].

В творчестве А.П. Чехова (1860–1904) отразилась целая полоса русской истории. Представитель разночинной демократической интеллигенции, живший в сложную переходную эпоху – эпоху подготовки революции 1905 г., Чехов выразил в своих произведениях глубокую неудовлетворенность экономическим и политическим строем, недоверие к утопическим теориям о поправках, частичных улучшениях в рамках этого строя и вместе с тем мучительное стремление осмыслить, понять происходящее, прийти к определенным выводам о причинах и перспективах важнейших общественных явлений.

В переломное время середины 80-х гг. Чехов, расставшись с «Антошей Чехонте», пишет своеобразную серию произведений о красоте жизни, природы: «Степь», «Счастье», «Свирель», «Агафья». Перед чеховским героем только открывался мир «невидимой правды», мир простых, страдающих людей. Мысль, пронизывающая сочинения этого периода, – это мысль о том, что судьба и счастье человека неотделимы от судьбы и счастья народа. Именно это связывает творчество Чехова с самыми благородными традициями русской литературы.

Конец 80-х – начало 90-х гг. – тяжелый и напряженный период в творчестве писателя. Острое ощущение фальши существующих отношений, глухое раздражение, недовольство, перерастающее в протест против всего уклада жизни, – вот что определяет идейный смысл произведений, написанных в годы между «Степью» (1888) и «Палатой № 6» (1892).

Начиная со второй половины 80-х гг., тема конфликта человека с окружающей его пошлой и праздной средой, проступавшая в «Степи», прочно входит в творчество Чехова. Егорушка («Степь», 1888), доктор Овчинников («Неприятность», 1888), студент Васильев («Припадок», 1888), больной Громов («Палата №6», 1892) – каждый из них связан с этой трагической темой. Писатель искал героя, тосковал по деятелю, который мог бы выстоять под ударами жизни, защитить свой идеал, не отступая перед натиском социальной лжи, насилия, пошлости. Параллельно проходит другая линия – разоблачение праздных нытиков, пессимистов, капитулирующих перед жизнью (пьеса «Иванов» и др.).

Стремление разобраться в сложных явлениях переходного времени находит развитие в произведениях первой половины 90-х гг., в которых обнаруживается неблагополучие современной жизни, идейные искания неудовлетворенного интеллигентного героя, констатирующего трудность найти себя в хаосе

действительности и понимающего необходимость обрести ближайшие и отдаленные цели. Через восприятие рефлектирующего интеллигентного героя разоблачается социальная действительность. Вместе с тем развенчивается и сам герой за неумение жить, за капитуляцию перед обстоятельствами.

Интеллигент становится одной из центральных фигур в ряду чеховских персонажей. Чехов отдает свои симпатии не вообще интеллигенции, а именно разночинной, трудовой ее части, не государственным чиновникам, а людям умственного труда. Писателя интересует прежде всего общая атмосфера, уклад, вопросы времени, над решением которых бьются его лучшие герои. Среди интеллигенции важное место занимают образы врачей, созданные великим писателем. Так как, во-первых, А.П. Чехов хорошо знал именно эту когорту интеллигенции, во-вторых, некоторые герои А.П. Чехова имели реальных прототипов, как например, Николай Степанович в повести «Скучная история». Чеховские рассказы «Неприятность», «Княгиня», «Припадок»; пьеса «Иванов» и, особенно, повесть «Скучная история» являются незаменимыми источниками для изучения социальной психологии русского человека, ментальности провинциальной интеллигенции. Эти произведения написаны А.П. Чеховым в 1888–1889 гг. Интересны также образы провинциальных врачей, созданные писателем в начале литературной деятельности («Цветы запоздалые», 1882) и в зрелые годы («Ионыч», 1897–1898) [6, с. 33]. Вряд ли можно полностью согласиться с оценкой творчества Чехова, данной Зинаидой Гиппиус. Но в том, что Чехов был «писателем момента», то есть показал не «крупные куски жизни», а «серые песчинки», «мелочи» – доля истины есть. «Мелочи» жизни и есть то, что современные историки считают бесценными источниками для изучения истории повседневности [7, с. 381].

Представители русской интеллигенции в произведениях А.П. Чехова часто являются людьми крайностей. И не только Николай Степанович из «Скучной истории», но и врач Михаил Иванович в рассказе «Княгиня», и такой симпатичный, одержимый своей профессией Осип Степанович Дымов в рассказе «Попрыгунья» и другие. Людьми крайностей являются и провинциальные врачи – герои рассказов А.П. Чехова. В рассказе «Цветы запоздалые» врач Топорков – хороший профессионал, но его профессионализм не мешает ему работать исключительно ради денег. «Наука, жизнь, покой – все отдано им. А они дали ему княжескую квартиру, лошадей, все то, одним словом, что называется комфортом», но никакие деньги не помогли спасти любимую женщину. Молодой Чехов дает своему герою шанс: трагическая любовь помогает доктору посмотреть на себя со стороны. Деньги ради денег привели к духовной деградации и другого героя Чехова – Ионыча. Земский врач Старцев Дмитрий Ионыч, приехав впервые в губернский город С., полон надежд. Он напеваает: «Когда еще я не пил слез из чаши бытия». Тусклая обыденность разрушила его надежды. Прошло несколько лет. Во время встречи с Екатериной Ивановой, когда огонек в его душе зажегся, он признается, что «жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?». Однако Ионыч «вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас». Интересно, что если рассматривать связку «склад ума – образ жизни», то у Ионыча в конце повести эта связка выступает как неразрывное целое. Но никакой

внутренней свободы это «целое» ему не дает. Доктора поглотила страсть к наживе. Он и сам не может ответить на вопрос: зачем ему столько денег? Деньги как самоцель не дали ему ни внутренней свободы, ни счастья, скорее наоборот [6, с. 35].

В литературных портретах врачей и их окружения Чехов А.П. гениально почувствовал аморфную раздвоенность (или даже многоликость) и иррациональность российского сознания. Раздвоенность прослеживается как в пространстве: столица-провинция, так и во времени: молодость-старость чеховских персонажей. В письме А.С. Суворину (30 декабря 1888) по поводу своей пьесы «Иванов» Чехов пишет о том, что «русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость», которая мешает русскому человеку продолжать относиться к своему труду или предназначению как к призванию. Он теряет «порыв», а значит, и ту неполную внутреннюю свободу, которую, быть может, имел. И главное – отсутствие внутренней свободы, объединяющей «идеи» превращает некогда благородного человека в черстоного, безразличного и глубоко несчастного циника. Образы врачей, созданные Чеховым, помогают нам «через индивидуальное видеть коллективное, через прошлое – настоящее» [8, с. 38–39].

Через два года после возвращения с Сахалина Чехов написал повесть «Палата № 6», опубликованную в ноябрьской книжке журнала «Русская мысль» за 1892 г. и явившуюся идейно-художественным итогом целого этапа в развитии его творчества. То, что недосказал Чехов-исследователь в строго научном труде об острове Сахалине, досказал Чехов-художник. «Палата № 6» – это произведение, посвященное, прежде всего, «изображению большого Сахалина – царской России». Однако это чрезвычайно своеобразное описание. В самом деле, ведь в повести показан всего лишь захолустный провинциальный городишко, да и то далеко не обстоятельно. Более или менее подробно описана лишь больница и ее палата № 6. Помимо этого, мы получаем возможность ознакомиться с домашней обстановкой доктора Рагина, побывать на почте у Михаила Аверьяновича. Что же касается других городских эпизодов, то они даны уже совсем бегло. Никакой панорамы русской жизни не рисует Чехов и тогда, когда рассказывает нам о путешествии Рагина и Михаила Аверьяновича по центральным городам России. Но выполняется это идейно-художественной целеустремленностью повествования.

Нельзя не обратить внимания, как настойчиво и последовательно через весь рассказ проведена мысль о крайней духовной бедности русской жизни, о неумолимом господстве в ней произвола и насилия. Вспомните, о чем говорят события, с которыми нас знакомит автор. Какое впечатление производят лицо, речь и поведение Громова? Какое представление складывается о нем? Что дает понять читателю Чехов, замечая: «Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека»? Как начинается заболевание Громова? Что более всего гнетет его? Как реагирует он на ненормальность окружающей жизни? Почему безраздельно завладела Громовым мания преследования?

Важно понять, как в сюжетном развитии повести развертывается история доктора Рагина. В каких словах дана исчерпывающая характеристика Рагина? В чем смысл его философии? Как в ходе развития сюжета развенчивается философия доктора Рагина? Как происходит его духовное прозрение? В чем идейная сущность трагической сюжетной развязки произведения? А.П. Чехов не только противопоставляет две контрастирующие жизненные философии, рисует историю

духовного прозрения героя – он осуществляет и третью задачу: ярко изображает ту мрачную действительность, которая обусловила трагедию Громова и Рагина и естественным продуктом которой является «маленькая бастилия» – палата № 6, с тупым солдафоном Никитой в качестве диктатора, с тюремной решеткой на окне, окруженная забором.

В истории доктора Рагина, в конце концов очутившегося в той же больнице-тюрьме, как бы повторилась судьба Громова, подтвердились громовские «безумные» мысли о преследовании, казавшиеся на первый взгляд лишены основания. Громов боялся теснившего со всех сторон насилия и ненавидел его. Рагина заключают в палату № 6 именно тогда, когда в нем начинают пробуждаться настоящие человеческие мысли и чувства. Жизнь как бы уравнила Громова и Рагина, насилие одолело и того, и другого.

Самым ходом повествования Чехов подводит читателя к выводу, что верны вызванные тюремной действительностью суждения заблуждающегося Громова о том, что личность в полицейско-бюрократической России бесправна и беззащитна. Рагина и Громова эта действительность заключает в палату № 6, они – ее узники. Такова образная система чеховского рассказа. Все мрачное окружение, вся казенная, чиновничья Россия – «палата № 6» – такова идея произведения. Мысль о тюремном укладе всего строя современной Чехову жизни определяет художественный стиль произведения – от сюжета до мельчайшей детали. Именно эта, воплощенная в движении образов мысль потрясла далеких от революционных идей современников Чехова. «В «Палате № 6», – взволнованно говорил Н.С. Лесков, – в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду – палата № 6. Это – Россия...». Великий живописец И.Е. Репин, давая высокую оценку «Палате № 6», восклицал: «Какая страшная сила впечатления поднимается из этой вещи! Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея Человечества... Какой вы силач!» [9, с. 33].

Необходимо уяснить, как проблемная заостренность чеховской повести определяет всю художественную атмосферу произведения. Из каких же деталей возникает поэтически обобщенный образ больницы-тюрьмы – символа действительности, окружавшей чеховских героев? Больница производит столь же двойственное впечатление, как лицо, речь и поведение Громова. С одной стороны, это в самом деле больница: достоверно описана жизнь больных «распорядок», основанный на беспорядке и произволе, отношение к службе доктора, фельдшера, сторожа Никиты и т.д. Все это обрисовано фактически точно, строго, почти документально. Однако произведение Чехова не исчерпывалось фактическим воспроизведением беспорядков и мерзостей, характерных для учреждений старой дореволюционной России. В том-то и сила произведения, что сквозь описание больничной жизни неумолимо проступают другие, еще более страшные очертания. Сначала мы не замечаем их, постепенно, как это бывает у Чехова, из малейших черточек и деталей возникает уже не больница, а тюрьма. С первых же строк повести перед нами предстаёт здание, окруженное серым больничным забором с гвоздями. «Маленькой бастилией» мысленно называет больницу доктор Рагин. Одно из последних впечатлений погибающего Рагина – решетчатая, похожая на сеть, тень на полу. Он рассуждает о тюрьмах и сумасшедших домах как о чем-то одно-

родном. Все эти образы, детали, вначале неприметные, постепенно усиливаются, все больше «наступают» на читателя.

Повторение наиболее важных деталей – одна из особенностей чеховского стиля, секрет необычайной сжатости, стройности, концентрированности его произведений. Одна и та же деталь обстановки одновременно выполняет ряд функций: окно с решеткой в «Палате № 6» вначале фигурирует в качестве нейтральной обстановочной детали; далее решетка вызывает соответствующие реакции у Громова, ассоциируясь с ненавистными ему условиями жизни – с тупостью и жестокостью насильников. Решетка становится символом насилия и бездушия не только в представлении Громова. Сцена, где заключенный в больницу доктор ночью смотрит сквозь решетку больницы на соседнее здание тюрьмы, венчает все произведение.

Ужасная обывательская жизнь, где всякое насилие встречается обществом как разумная и целесообразная необходимость, трагическая судьба Громова, наконец, сама палата № 6 с ее тюремными решетками, арестантскими халатами и смотрителем Никитой – все это в конечном счете сливается в единый образ, довершающий характеристику действительности царской России. Не теряя нейтрального, конкретного содержания, лейтмотивная деталь акцентируется в заглавии произведения, приобретая все большее философско-обобщающее, эмоционально-оценочное значение, и возвышается до реалистического символа, придающего произведению ту обещающую силу, которая потрясла современников А.П. Чехова.

Важно подчеркнуть огромное общественное значение этого произведения для психологической мобилизации сил протеста, ненависти против самодержавия. Непримируемое, протестующее чувство окрашивает все произведение. «Палата № 6» явилась как бы симптомом уже начинавшегося общественного подъема, одним из важных обозначений исторического рубежа между восьмидесятыми и девяностыми годами, между эпохой упадка и эпохой подъема.

Разоблачение тюремного уклада и духа российской жизни 80-х гг. слито в произведение с ощущением, что невозможно дальше жить в тюремных условиях, пытаясь примирять человечность с равнодушием, совесть – с покорностью существующему порядку. Никогда ещё Чехов, ставя вопросы нравственной, личной морали, не поднимался до такого гневного обличения господствующего в мире зла, как в «Палате № 6». Люди, подобно Рагину оправдывающие зло, примирившиеся с ним, тем самым поддерживают тюремный порядок. «Палата № 6» держится не только на Никите, но и на Рагиных. Главная цель Чехова – найти выход из окружающей его повсюду «палаты № 6», найти путь к преодолению всеобщей тюремности. Правда, раскрытая Чеховым в этой повести, была трагической для него самого. Какой же выход возможен из тюрьмы, кто же сломает, взорвёт «палату № 6»? Этого Чехов не знал, но он уже понял, что насильно нужно противопоставить не вспышки бессильной ярости, а борьбу.

Выводы. В заключение можно сказать, что Чехов как автор, поднимающий глобальные проблемы, над которыми до сих пор бьется человеческая мысль, предстает человеком мира. Не случайно его проза дорога и близка любому читателю, независимо от его политических и религиозных убеждений [8, с. 189]. А.П. Чехов метапоэтически говорил: «Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такой, какова она есть на самом деле». Правда жизни – вот что

привлекало его прежде всего. И этой правде Чехов не изменял нигде и ни в чем [10, с. 122].

По мнению некоторых исследователей творчества А.П. Чехова, его можно, вслед за В. Шекспиром, отнести к наиболее востребованным драматургам в англоязычных странах, а с учетом количества иностранных языков, на которые переведены рассказы писателя, можно сказать, что А.П. Чехов является самым читаемым писателем XXI в. Рассказы А.П. Чехова наполнены таким количеством разнообразных характеров, персонажей, ситуаций, профессий, мест бытования, что по ним можно строить концептосферу русской жизни и русского национально-культурного характера конца XIX в.

Тайна непостижимой гармонии чеховской прозы – в сочетании взаимоисключающих, на первый взгляд, особенностей: глубины содержания и небольшой формы, афористичности и простоты, узнаваемости сюжета и непредсказуемости его развития. Сколько мудрости передал нам писатель, если каждый его рассказ – это конкретный жизненный эпизод и одновременно притча, «в которой словам тесно, а мыслям просторно».

Литература:

1. Азарова Л.Е. Язык произведений А.П. Чехова. *Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки.* Спецвыпуск № 1. Таганрог, 2011. С. 83–86.
2. Хекилаева Л.М. А.П. Чехов в переводах осетинских писателей и поэтов. Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011. Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 293–296.
3. Азарова Л.Е. Особенности художественного конфликта повестей А.П. Чехова. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции: «XXIV Чеховские чтения в Таганроге».* Изд-во ФГБОУ ВПО. ТГПЧ, 2012. С. 4–11.
4. Моисеева Н.В. От природы человеческой к воспитанию личности. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011.* Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 239–246.
5. Полякова Е.В. Содержательная асимметрия в переводах произведений А.П. Чехова. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011.* Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 270–275.
6. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. Москва : Художественная литература, 1991. С. 380–382.
7. Евдокимова А.А. Герои произведений А.П. Чехова в зеркале российской ментальности. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011.* Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 30–39.
8. Дроботова Л.Л. Евангелие как прецедентный текст прозы А.П. Чехова. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011.* Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 181–190.
9. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Москва : Гослитиздат, 1964. 251 с.
10. Позднякова Е.С. Провинция как фрагмент реальности в текстах А.П. Чехова и С.А. Есенина. *Таганрог и провинция в творчестве А.П. Чехова: материалы Международной научной конференции «XXIV Чеховские чтения в Таганроге» 2011.* Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та им. А.П. Чехова, 2012. С. 122–129.

Азарова Л. Є. Образи провінційної інтелігенції як засіб викриття психології міщанства у творчості А. П. Чехова

Анотація. У статті розкрито психологію, людську суть, поведінку провінційної інтелігенції в оповіданнях А.П. Чехова; показано сувору критику письменником дійсності й міщанства. Доведено, що твори А.П. Чехова наповнені такою кількістю різноманітних персонажів, характерів, ситуацій, професій, місць побутування, що за ними можна будувати концептосферу російського життя і російського національно-культурного характеру кінця XIX ст.

Ключові слова: дійсність, індивідуальний стиль, мораль, творча манера, аморфна двоїстість, концептосфера російського життя.

Azarova L. Images of provincial intelligence as a way of exposing the psychology of philistinism in creativity of A. P. Chekhov

Summary. The article reveals the psychology, human essence and behavior of the intellectuals in the A.P.Chekhov's works are exposed in the article, severe criticism is stated about the existing reality and townsfolk. It is proved that A.P.Chekhov's stories are filled with a handful of extraordinary persons, characters, situations, professions, places, that we are able to build a concept of Russian life and Russian national and cultural identity at the end of XIX century.

Key words: existing reality, individual style, morality, artistic manner, amorphous double split, concepts of Russian life.